

Очень много общала позднѣйшая, екатерининская коммиссія, открывшая свои засѣданія при самыхъ благопріятныхъ, повидимому, условіяхъ; но, наткнувшись на нѣкоторые скользкіе вопросы, депутаты не замедлили убѣдиться въ шаткости почвы, на которой имъ приходилось дѣйствовать. Когда рѣчь зашла о „свободныхъ деревняхъ“, въ собраніи впервые высказано было правило, сдѣлавшееся впоследствии избитою фразою въ устахъ приверженцевъ безпечнаго застоя: „что одному государству полезно, то другому вредно“. Одинъ изъ депутатовъ возразилъ на это: „Имя свободы отнюдь не вредно. Я бы вамъ доказалъ это въ другомъ мѣстѣ, или еслибы я вамъ сказать могъ *тихо*“... Тогда предсѣдатель собранія счелъ нужнымъ вмѣшаться и объявилъ, что „доказательства ваши вы всѣ ясно и безъ закрытія говорить можете, ибо ничего такого тутъ быть не должно, что тайно или скрыто говорить надлежитъ“ ¹⁾. Однако, предчувствіе осторожнаго оратора вполне оправдалось, и знаменитая коммиссія осталась чѣмъ-то въ родѣ блестящаго фейерверка, предназначеннаго болѣе для ослѣпленія Европы, чѣмъ для дѣйствительнаго разрѣшенія внутреннихъ задачъ Россіи.

Правительство перестало беспокоить земскихъ людей законодательными вопросами; общество обходилось уже безъ торжественнаго выслушиванія законовъ и проектовъ, составляемыхъ въ специальныхъ канцеляріяхъ и коммиссіяхъ. Дѣло законодательства какъ будто упростилось; вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе увеличивалось разстояніе между воззрѣніями правительственныхъ сферъ и понятіями большинства населенія. Плодовитость государственной дѣятельности отъ этого нисколько не страдала; законы росли и множились въ числѣ и объемѣ, опредѣляя и предусматривая всякія подробности управленія; — но внутренняя жизнь народа уходила куда-то вдалѣ, подъ прикрытіемъ крѣпостнаго права, и имѣла уже мало общаго съ законодательнымъ творчествомъ центральной власти. Въ той обширной и важной области права, которая касается личныхъ и имущественныхъ отношеній между людьми, законодатель имѣлъ предъ собою только два пути — или держаться старыхъ указовъ или слѣдовать иностраннымъ образцамъ. Смутное сознаніе, что ничто не можетъ замѣнить собою умолкнувшій живой источникъ самостоятельнаго развитія права, подрывало самыя основы всѣхъ проектовъ гражданскаго уложенія, начиная съ трудовъ трехъ коммиссій Петра I и кончая уложеніемъ Сперанскаго, составленнымъ въ 1809 году по образцу французскаго кодекса.

¹⁾ Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества, т. 36 (Спб. 1882), стр. 27—29. См. также С. В. Пахмана, Исторія кодификаціи, т. I—II.